

Г.А.Нелаева

Право на установление истины в контексте правосудия переходного периода: опыт стран Латинской Америки

Понятие права на установление истины, или права на истину, появилось в международной юриспруденции относительно недавно — в 1980—1990-е годы в контексте постконфликтных ситуаций и демократического транзита во многих государствах мира. Существенный вклад в развитие и концептуализацию данного права внесли страны Латинской Америки, так как именно там право на истину рассматривалось как составная часть политических, юридических и общественных механизмов, созданных с целью предотвратить насильственные исчезновения людей. В данной статье прослеживается эволюция данного права в международных и региональных соглашениях и в «мягком праве», а затем в решениях Межамериканского суда по правам человека. Будет проанализирован пример Аргентины, являющейся по ряду критериев уникальной страной региона: там были основаны различные институты правосудия переходного периода, проведены громкие судебные разбирательства. Несмотря на то, что объемы и содержание концепции права на истину до сих пор оспариваются в научном и политическом сообществах, можно утверждать, что, по крайней мере, в области борьбы с насильственными исчезновениями людей к настоящему времени сложились судебная практика и нормативно-правовая база, позволяющие считать это право обязательным.

Ключевые слова: право на установление истины, правосудие переходного периода, Аргентина, насильственные исчезновения людей.

DOI: 10.31857/S0044748X0009122-3

Статья поступила в редакцию 27.01.2020.

В международной юриспруденции право на установление истины, или право на истину, зачастую возникает в постконфликтные моменты, а также

Галина Александровна Нелаева — кандидат политических наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук, ТюмГУ (РФ, Тюменская область, 625003 Тюмень, ул. Володарского, 6, g.a.nelaeva@utmn.ru).

в условиях правосудия переходного периода, когда после окончания боевых действий государства вынуждены искать пути нормализации ситуации и примирения общества. В то же время, как показывает опыт национальных и международных судов, данное право актуально и в контексте правозащитной деятельности и интерпретируется как неотъемлемая составляющая права на жизнь, права на свободу слова и информации, а также на доступ к правосудию. Под правом на истину, как правило, понимают обязанность государств проводить расследования и информировать потерпевших о совершенных против них преступлениях (индивидуальное право), а также право общества знать о трагических событиях, повлекших массовые нарушения прав человека (коллективное право). Как утверждает итальянский исследователь Эмануэла Фронца, триада «памяти, права и наказания» в различных формах проявляется в законодательстве и в судебной практике государств: от издания законов, предписывающих помнить и чтить определенные исторические события, введения наказания за отрицание, к примеру, Холокоста, геноцидов и других преступлений, создания специальных комиссий для расследования преступных деяний прошлого (особенно в контексте правосудия переходного периода), до учреждения международных трибуналов для наказания преступников [1, с. 27–28]. В контексте правосудия переходного периода наблюдались разные конфигурации данной триады: например, создание комиссий по установлению истины часто предполагало не наказание, а скорее наоборот — примирение преступников и потерпевших [2].

Термин «правосудие переходного периода» часто связывают с процессами демократизации в странах Латинской Америки, когда были созданы такие известные инстанции, как аргентинская Национальная комиссия по делу о массовом исчезновении людей (*Comisión Nacional sobre la Desaparición de Personas, CONADEP*). В дальнейшем комиссии формировались и в других странах, в частности в Бразилии. Европейские страны в разные периоды истории также прибегали к созданию институтов для осмысления прошлого. В Западной Европе такие комиссии появились после Второй мировой войны [3, 4], а также в процессе перехода от диктатур к демократии (например, в Португалии) [5], а в Центральной и Восточной Европе — после окончания холодной войны [6].

Комиссии по установлению истины основывались и в африканских странах [7], где проводились судебные и квазисудебные процессы [8, 9], принимались специальные законы, запрещающие отрицать определенные исторические события [10]. Как считает американский исследователь Сэм Соке-Бек, государство должно не только защищать лиц, находящихся под его юрисдикцией, но и выплачивать жертвам нарушений прав человека репарации, наказывать виновных, обеспечивать доступ к соответствующей информации. «Взаимосвязь этих обязательств в условиях правосудия переходного периода позволит добиться поддержания мира и восстановления человеческого достоинства жертв», — утверждает он [11, с. 528].

Право на установление истины предусматривает обязательство государства предоставлять информацию, касающуюся обстоятельств совершения грубых нарушений прав человека [12, с. 97]. Исследователи связывают эволюцию данного права с принятием первого Дополнительного протокола

к Женевским конвенциям (1949 г.), где в статье 32 говорится: «При применении положений настоящего раздела Высокие Договаривающиеся Стороны, стороны, находящиеся в конфликте, и международные гуманитарные организации, упомянутые в Конвенции и в настоящем Протоколе, в своей деятельности, прежде всего, исходят из права семей знать о судьбе своих родственников» [13]. Статья 33 того же протокола обязывает стороны заниматься поиском лиц, считающихся пропавшими без вести. Право на установление истины также закреплено в Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, где в части 2, статье 24 закреплено право жертв «знать правду об обстоятельствах насильственного исчезновения, о ходе и результатах расследования и о судьбе исчезнувшего лица» [14].

В отчете Верховного комиссара ООН по правам человека было отмечено, что право на установление истины, являющееся индивидуальным, тем не менее, содержит коллективное и социальное измерения и тесно связано с такими принципами, как верховенство права, прозрачность, подотчетность и добросовестность управления в демократическом обществе. Наряду с правосудием, памятью и возмещением ущерба оно представляет собой одну из основ деятельности по борьбе с безнаказанностью за серьезные нарушения прав человека и нарушения международного гуманитарного права [15].

Право на установление истины также прописано в документах Совета по правам человека ООН и Комиссии ООН по правам человека (*United Nations Commission on Human Rights, UNCHR*) [16, 17, 18], в резолюциях Генеральной Ассамблеи [19] и Совета Безопасности ООН [20, 21, 22], а также в экспертных докладах и заключениях [23]. Как отмечают исследователи, индивидуальный аспект данного права связан с правом знать правду о судьбе жертв, а коллективное измерение — с правом общества знать об ужасных деяниях, а также об обстоятельствах и причинах, которые к ним привели [12, с. 98].

В отчете «Продвижение и защита прав человека» *UNCHR* указано, что в целях борьбы с безнаказанностью государства обязаны хранить архивы и другие доказательства нарушений прав человека и предоставлять к ним доступ, так как право на установление истины является неотъемлемым правом человека. Кроме того, государства обязаны предпринимать меры, направленные на предотвращение отрицания и ревизионизма в целях сохранения коллективной памяти [23]. К мерам, необходимым для установления истины, относят и криминалистические техники, и экспертизу [24]. С этим правом связана и обязанность государств выплачивать компенсацию жертвам [25].

В том, что касается обязательств негосударственных акторов по исполнению права на установление истины (например, вооруженных формирований или компаний), единого подхода к данному вопросу нет. Как отмечается в исследованиях, их ответственность скорее носит политический, а не юридический характер. При этом они могут добровольно взять на себя обязательство по установлению истины (например, в ходе мирных переговоров) [11, с. 544].

В Европе право на установление истины утверждено судами, в частности Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ), который неоднократно устанавливал, что в случаях нарушений права на жизнь или бесчеловечного обращения со стороны представителей государства право на эф-

фективное средство правовой защиты, закрепленное в статье 13 Европейской конвенции по правам человека, подразумевает не только выплату потерпевшим компенсаций, но и расследование, выявление ответственных за нарушения и их наказание, а также доступ потерпевших к материалам следствия [26]. Право родственников знать о судьбе близких закреплено в решениях *UNCHR* [27].

В Латинской Америке право на установление истины не только закреплено в ряде нормативных документов, но и подтверждено Межамериканским судом по правам человека (*Corte Interamericana de Derechos Humanos, CorteIDH*). Одним из первых документов, в котором упомянуто данное право, является ежегодный отчет Межамериканской комиссии по правам человека (*Comisión Interamericana de Derechos Humanos, CIDH*) за 1985—1986 гг., в котором говорилось: «Каждое общество имеет неотъемлемое право знать правду о событиях прошлого, а также о мотивах и обстоятельствах, при которых совершены шокирующие преступления, с целью предотвращения повторения подобных деяний в будущем. Члены семей жертв также имеют право на информацию о произошедшем с их родственниками. Доступ к истине предполагает свободу слова; создание следственных комитетов, состав и полномочия которых должны определяться в соответствии с внутренним законодательством каждой страны, предоставление необходимых ресурсов с целью позволить представителям судебной власти проводить необходимые расследования» [28]. Данное право отражено и в ряде деклараций Генеральной ассамблеи Организации американских государств (ОАГ), принятых в 2000-е годы [29, 30, 31].

В отчете *CIDH* за 2014 г. подтверждено, что право на истину является одним из столпов правосудия переходного периода и определяется как комплекс процессов и механизмов, связанных с попытками общества примириться с преступлениями прошлого [32].

Как отмечает Э.Фронца, важной составляющей политики памяти является определение памятных дат с целью сохранения тех или иных исторических событий в коллективной памяти [33]. В 2010 г. Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 24 марта Международным днем права на установление истины в отношении грубых нарушений прав человека и достоинства жертв [34]. В этот день в 1980 г. был убит сальвадорский монсеньор Оскар Арнульфо Ромеро [35]. К важным составляющим реализации права на установление истины относятся учреждение памятных дат, создание музеев, памятников и других культурных объектов [36].

В практике *CorteIDH* право на установление истины стало формироваться с конца 1980-х годов. Тогда суд впервые столкнулся с необходимостью выработать подход к пониманию сути данного права в решениях, связанных с насильственными исчезновениями. Изначально данное право предусматривало, прежде всего, обязанность государств расследовать нарушения прав человека, что было отражено в деле «Веласкес Родригес против Гондураса» 1988 г. [37]. Судья *CorteIDH* Эдуардо Феррер-Макгрегор утверждает, что с 1988 по 2016 г. суд рассмотрел 182 дела, 42 из которых касались насильственных исчезновений [38, с. 122]. Он выделяет несколько подходов в отношении права на установление истины: суд может рассматривать его в контексте статьи 8 Американской конвенции о правах че-

ловека («право на справедливый суд»), статья 25 («право на судебную защиту») и статья 13 («свобода мысли и выражения») [38, с. 139].

В деле «Община Мойвана против Суринама» *CorteIDH* решил, что государство обязано предоставлять компенсацию жертвам нарушений [39]. По делу «Альмонасид Арельяно и другие против Чили» суд заявил, что деятельность чилийской Комиссии по установлению истины и примирению (*Comisión Nacional de Verdad y Reconciliación, CNVR*) не является заменой действиям государства, на котором лежит обязательство провести расследование обстоятельств смерти заявителя и наказать виновных [40]. Была также отмечена необходимость установить максимально полную историческую правду [41]. Подразумевается, что государства должны выявить массовый характер нарушений прав человека, а также лиц, ответственных за эти преступления, и всех пострадавших, их имена, места захоронения и т.п. [42].

Созданные в различных регионах мира специальные комиссии внесли существенный вклад в развитие права на установление истины. Хотя комиссию в Южной Африке, занимавшуюся расследованием преступлений в период апартеида, часто приводят в пример как наиболее известную и успешную [43], единой модели правосудия переходного периода не существует; многое зависит от конкретных условий в государстве (финансовых возможностей, политической воли, наличия гражданского общества, инфраструктуры, квалифицированных кадров и т.д.). Комиссии по установлению истины работают быстрее, чем судебные механизмы, так как отсутствие формальных процедур позволяет реагировать на ситуации по мере их возникновения. Комиссии позволяют выступить с заявлениями большему количеству потерпевших, что в итоге способствует формированию более полной картины произошедшего [44, с. 86].

В Аргентине *CONADEP*, созданная по инициативе президента Рауля Альфонсина (1983—1989) и возглавленная аргентинским писателем Эрнесто Сабато, столкнулась с нежеланием представителей силовых структур предоставлять информацию о нарушениях прав человека [45, с. 34]. Комиссия не проводила открытых слушаний, хотя зачастую в подобных инстанциях слушания проходят публично, и, тем не менее, несмотря на трудности, ей удалось собрать более 7 тыс. свидетельских показаний, задокументировать исчезновение более 8 тыс. человек [45, с. 34]. Представленный президенту после девяти месяцев работы отчет под названием «Никогда больше» (*Nunca más*) [46] мгновенно стал бестселлером: в первый же день после выхода в свет были проданы около 40 тыс. экземпляров [45, с. 34]. Собранные комиссией доказательства (например, наличие 365 центров для пыток) в дальнейшем были использованы в судебных разбирательствах [47]. *CONADEP* активно сотрудничала с известной аргентинской правозащитной организацией «Матери площади Мая» (*Madres de Plaza de Mayo, MPM*), созданной в 1977 г. женщинами, чьи дети и внуки подверглись насильственному исчезновению. Под давлением этой и других подобных организаций были организованы так называемые процессы по установлению правды, использовавшиеся, скорее, для сбора информации, а не для назначения наказания виновным. Подозреваемых могли вызвать в суд для дачи показаний, но не могли осудить [48].

Громким судебным разбирательством, связанным с совершенными в Аргентине преступлениями, стало дело капитана аргентинской армии Адольфо Шилинго, который в период с 1976 по 1983 г. участвовал в репрессиях против политической оппозиции. В 1997 г. он добровольно решил предстать перед судом Испании, где против него было возбуждено уголовное дело. По его собственному заявлению, в 1976—1977 гг. были убиты (выброшены в море с самолетов) от 1,5 до 2 тыс. узников одной из секретных тюрем [49]. Судья Бальтасар Гарсон впервые в истории Испании решил применить принцип универсальной юрисдикции, согласно которому действие уголовного закона может распространяться на лиц любой национальности и на преступления, совершенные в любой точке мира. Аргентинский судья и профессор международного права Мартин Лосада отмечает, что данное разбирательство имело серьезные последствия для Аргентины, так как по его итогам были отменены несколько законов, не позволявших судить лиц, виновных в совершении преступлений в период военной диктатуры с 1976 по 1983 г. [50]. Уникальность процесса определяется и тем, что впервые в Испании в ходе разбирательства обвиняемому вменяли совершение преступлений против человечности, хотя такой категории в испанском уголовном законе не существовало. Суд тогда заявил, что принцип универсальной юрисдикции можно применить в отношении преступлений против человечности в условиях, когда государство, имеющее основания судить за совершение данных преступлений, по какой-либо причине не делает этого. Как это, так и ряд других разбирательств [51], проведенных национальными судами с использованием принципа универсальной юрисдикции, показывают, что право на установление истины укоренилось как в международном, так и в национальном праве. Решение испанского суда стало толчком к другим судебным процессам, организованным уже в Аргентине. Как утверждает профессор Утрехтского университета Антониус Роббен, в ходе слушаний заметно менялся дискурс, характеризовавший события прошлого. Если в начале 1980-х годов считалось, что террор по отношению к мирному населению осуществляли как военные, находившиеся под командованием государства, так и повстанцы [52], то в дальнейшем акцент сместился в сторону восприятия событий 1975—1983 гг. как «государственного терроризма» [53], а с середины 2000-х годов — как геноцида, что существенно осложняет процесс примирения аргентинского общества. Применение данной категории оспаривается и потому, что убийства и исчезновения в тот период были направлены не против определенной расовой или этнической группы, а против политических оппонентов. Таким образом, сравнение аргентинских событий с Холокостом затрудняет коммуникацию между разными слоями общества, тормозит процесс примирения [53, с. 311–313]. Споры о надлежащей квалификации преступлений, совершенных в Аргентине в период диктатуры, не прекращаются по сей день [54]. Следует отметить решение Верховного суда страны от 2005 г., на основании которого законы об амнистии отменялись в силу их несоответствия Конституции [55].

В настоящее время в Аргентине ведутся дискуссии об изменении уголовного закона с целью запретить отрицание или оправдание геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности [56]. Подоб-

ные законы и поправки обсуждаются и в других странах Южной Америки [57]. В 2002 г. 24 марта — в день годовщины начала диктатуры в 1976 г. — был объявлен в Аргентине Национальным днем памяти правды и справедливости [58].

Как считают исследователи, право на установление истины, зачастую воспринимаемое как часть «мягкого права» (*lex ferenda*), в настоящее время может рассматриваться как обязательная норма (*lex lata*) [11, с. 528]. Впрочем, контуры данного права довольно сложно определить: оно может считаться самостоятельным или же рассматриваться в качестве составной части других прав, закрепленных в международных документах (к примеру, в контексте права на жизнь, запрещения пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания или осуществления свободы информации). Несмотря на многочисленные региональные и национальные судебные разбирательства, по-прежнему не разрешен вопрос о том, можно ли считать данное право частью обычая [59]. При этом, как показывает опыт, в частности Аргентины, данное право прочно укоренилось не только как часть судебной и законодательной практики, но и как элемент внесудебных институтов и механизмов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Fronza E. Memory and Punishment. Historical Denialism, Free Speech and the Limits of Criminal Law. T.M.C. Asser Press, Springer, 2018.
2. Stuit H. Ubuntu Strategies. Constructing Spaces of Belonging in Contemporary South African Culture. Palgrave Macmillan, 2016.
3. Caroli P. La Giustizia di Transizione in Italia. L'esperienza dopo la seconda guerra mondiale. PhD thesis. Università degli Studi di Trento. Facoltà di Giurisprudenza. Anno Accademico 2015–2016.
4. Romeike S. Transitional Justice in Germany after 1945 and after 1990, *Occasional Paper*, No. 1, International Nuremberg Principles Academy, 2016. Available at: https://www.nurembergacademy.org/fileadmin/media/pdf/news/Transitional_Justice_in_Germany.pdf (accessed 17.01.2020).
5. Costa Pinto A. Authoritarian Legacies, Transitional Justice and State Crisis in Portugal's Democratization, *Democratization*, 2006, Vol. 13, N 2, pp.173–204.
6. Horne C. Building Trust and Democracy: Transitional Justice in Post-Communist Countries. Oxford: Oxford University Press, 2017.
7. Truth and Reconciliation Commission in Liberia. TRC Final Report (2009). Available at: <http://www.trcofliberia.org> (accessed 15.01.2020).
8. Evenson E.M. Truth and Justice in Sierra Leone: Coordination between Commission and Court. *Columbia Law Review*, 2004, Vol. 104, N 3, pp. 730–767.
9. Bronéus K. The Trauma of Truth-telling: Effects of Witnessing in the Rwandan gacaca courts on psychological health. *Journal of Conflict Resolution*, 2010, Vol. 54, pp. 408–437.
10. Sullo P. Lois Memorielles in Post-Genocide Societies: the Rwandan Law on Genocide Ideology under International Human Rights Scrutiny. *Leiden Journal of International Law*, 2014, Vol. 27, pp. 419–445.
11. Szoke-Burke S. Searching for the Right to Truth: The Impact of International Human Rights Law on National Transitional Justice Policies. *Berkeley Journal of International Law*, 2015, Vol. 33, N 2, pp. 526–578.
12. Baranowska G., Gliszczyńska-Grabias A. “Right to Truth” and Memory Laws: General Rules and Practical Implications. *Polish Political Science Yearbook*, 2018, Vol. 47, N 1, pp. 97–109.
13. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977. Available at: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/INTRO/470> (accessed 15.01.2020).

14. International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance. New York, 20 December 2006. Available at: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtmsg_no=IV16&chapter=4&clang=_en (accessed 15.01.2020).
15. UN Human Rights Council, UN Human Rights Council: Right to the Truth, Report of the Office of the High Commissioner for Human Rights, 7 June 2007, A/HRC/5/7. Available at: <https://www.refworld.org/docid/46822ce2.html> (accessed 21.01.2020).
16. Human Rights Council, Resolution 9/11, 18 September 2008, U.N.Doc. A/HRC/9/L.12. Available at: https://ap.ohchr.org/documents/E/HRC/resolutions/A_HRC_RES_9_11.pdf (accessed 12.01.2020).
17. Human Rights Council Decision 2/105. Available at: http://www.concernedhistorians.org/content_files/file/to/115.pdf (accessed 20.01.2020).
18. UN Commission on Human Rights, Human Rights Resolution 2005/66: Right to the Truth, 20 April 2005, E/CN.4/RES/2005/66. Available at: <https://www.refworld.org/docid/45377c7d0.html> (accessed 12.01.2020).
19. Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law and Serious Violations of International Humanitarian Law. G.A. Res. 60/147, U.N.Doc. A/RES/60/147 21 March 2006. Available at: <https://www.un.org/ruleoflaw/files/BASICP~1.PDF> (accessed 12.01.2020).
20. Resolution 1606. The situation in Burundi. S/RES/1606 (2005). Security Council Distr.: General. 20 June 2005, at 2 and 7. Available at: <http://unscr.com/en/resolutions/1606> (accessed 10.01.2020).
21. Resolution 1593 on Darfur (2005) S/RES/1593 (2005) 31 March 2005, at 5. Available at: <https://www.icc-cpi.int/NR/ronlyres/85FEBD1A-29F8-4EC4-9566-48EDF55CC587/283244/N0529273.pdf> (accessed 13.01.2020).
22. Promotion and Protection of Human Rights. Study on the right to the truth. Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. Economic and Social Council. E/CN.4/2006/91, 8 February 2006. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G06/106/56/PDF/G0610656.pdf?OpenElement> (accessed 10.01.2020).
23. Promotion and Protection of Human Rights. Report of the independent expert to update the Set of principles to combat impunity, Diane Orentlicher. Addendum Updated Set of principles for the protection and promotion of human rights through action to combat impunity. E/CN.4/2005/102/Add.1. 8 February 2005. Available at: <https://www.refworld.org/docid/42d66e7a0.html> (accessed 20.01.2020).
24. Human Rights Council. Tenth Session. Resolution 10/26. Forensic genetics and human rights. 27 March 2009. Available at: https://ap.ohchr.org/documents/E/HRC/resolutions/A_HRC_RES_10_26.pdf (accessed 12.01.2020).
25. Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law and Serious Violations of International Humanitarian Law. Adopted and proclaimed by General Assembly resolution 60/147 of 16 December 2005. Available at: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/remedyandreparation.aspx> (accessed 20.01.2020).
26. El-Masri V. The former Yugoslav Republic of Macedonia. Application no. 39630/09. At 255. Available at: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-115621%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-115621%22]}) (accessed 20.01.2020).
27. María Del Carmen Almeida de Quinteros v. Uruguay, Communication No. 107/1981, U.N. Doc. CCPR/C/OP/2 at 138 (1990). Available at: <http://hrlibrary.umn.edu/undocs/newscans/107-1981.html> (accessed 15.01.2020).
28. Annual Report of the Inter-American Commission on Human Rights (1985–1986). Chapter V. Available at: <http://www.cidh.org/annualrep/85.86eng/toc.htm> (accessed 12.01.2020).
29. “Right to the Truth”: AG/RES. 2175 (XXXVI-O/06). Available at: http://www.concernedhistorians.org/content_files/file/to/124.pdf (accessed 12.01.2020).
30. AG/RES. 2267 (XXXVII O/07). Available at: http://www.concernedhistorians.org/content_files/file/to/127.pdf (accessed 12.01.2020).
31. AG/RES. 2509 (XXXIX-O/09). Available at: <https://reliefweb.int/report/world/right-truth-agres-2509-xxxix-o09> (accessed 12.01.2020).
32. Inter-American Commission on Human Rights. The Right to Truth in the Americas. OEA/Ser.L/V/II.152. Doc. 2. At 48. 13 August 2014. Available at: <https://www.oas.org/en/iachr/reports/pdfs/Right-to-Truth-en.pdf> (accessed 12.01.2020).

33. Fronza E. The Punishment of Negationism: the Difficult Dialogue between Law and Memory. *Vermont Law Review*, 2006, Vol. 30, pp. 608–626.
34. Resolución aprobada por la Asamblea General el 21 de diciembre de 2010. Proclamación del 24 de marzo como Día Internacional para el Derecho a la Verdad en relación con las Violaciones Graves de los Derechos Humanos y para la Dignidad de las Víctimas. A/RES/65/196. 3 de marzo de 2011. Available at: <https://undocs.org/es/A/RES/65/196> (accessed 13.01.2020).
35. International Day for the Right to the Truth Concerning Gross Human Rights Violations and for the Dignity of Victims 24 March. Available at: <https://www.un.org/en/events/righttotruthday/> (accessed 12.01.2020).
36. González E., Varney H. Truth Seeking: Elements of Creating an Effective Truth Commission. (Brasília: Amnesty Commission of the Ministry of Justice of Brazil; New York: International Center for Transitional Justice). March 2013. P.4. Available at: <https://www.ictj.org/publication/truth-seeking-elements-creating-effective-truth-commission> (accessed 20.01.2020).
37. Case of Velásquez-Rodríguez v. Honduras. Judgment of July 29, 1988. At 174, 181. Available at: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_04_ing.pdf (accessed 20.01.2020).
38. Ferrer-MacGregor E. The Right to the Truth as an Autonomous Right under the Inter-American Human Rights Convention. *Mexican Law Review*, 2016, Vol. IX, No. 1, pp. 121–139.
39. Case of the Moiwana Community v. Suriname. Judgment of June 15, 2005. At 204. Available at: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_124_ing.pdf (accessed 13.01.2020).
40. Case of Almonacid-Arellano et al v. Chile. Judgment of September 26, 2006. At 150. Available at: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_154_ing.pdf (accessed 12.01.2020).
41. Case of Valle Jaramillo et al. v. Colombia. Judgment of November 27, 2008. At 102. Available at: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_192_ing.pdf (accessed 12.01.2020).
42. Juan E Méndez, Francisco J Bariffi. Truth, Right to, International Protection. Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Available at: <http://www.corteidh.or.cr/tablas/r17382.pdf> (accessed 21.01.2020).
43. Gibson J. L. The Truth about Truth and Reconciliation in South Africa. *International Political Science Review / Revue internationale de science politique*, 2005, Vol. 26, N 4, pp. 341–361.
44. Nelaeva G., Sidorova N. Transitional Justice in South Africa and Brazil: Introducing a Gendered Approach to Reconciliation. *BRICS Law Journal*, 2019, Vol. VII, N 2, pp. 82–107, p. 86.
45. Hayner P. B. Unspeakable Truths. Confronting State Terror and Atrocity. New York and London: Routledge, 2001.
46. Nunca Más (Never Again). Report of Conadep (National Commission on the Disappearance of Persons), 1984. Available at: http://www.desaparecidos.org/nuncamas/web/english/library/neveragain/neveragain_001.htm (accessed 20.01.2020).
47. Nino C. S. The Duty to Punish Past Abuses of Human Rights Put into Context: the Case of Argentina. *Yale Law Journal*, 1991, Vol. 100, N 8, pp. 2619–2640.
48. Accountability in Argentina. 20 Years Later, Transitional Justice Maintains Momentum. International Center for Transitional Justice. August 2005. Available at: <https://www.ictj.org/sites/default/files/ICTJ-Argentina-Accountability-Case-2005-English.pdf> (accessed 10.01.2020).
49. Lozada M. Law's Response to Crimes against Humanity: Some Lessons from Argentina. Inaugural Address as Visiting Professor to the UNESCO Chair in Education for Peace, Human Rights and Democracy 2008. *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 2009, Vol. 27, N 1, pp. 101–114.
50. Guembe M.J. Reopening of trials for crimes committed by the Argentine military dictatorship. *Sur. Revista Internacional de Direitos Humanos*, 2005, Vol. 2, N 3. Available at: http://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1806-64452005000200008&lng=en&nrm=iso&tlng=en (accessed 15.01.2020).
51. Kimpimäki M. Genocide in Rwanda – Is It Really Finland's Concern? *International Criminal Law Review*, 2011, Vol. 11, N 1, pp. 155–176.

52. ¿Qué es la teoría de los dos demonios? Available at: https://amsafe.org.ar/wp-content/uploads/PDFs/2017_Construccion_de_memoria/Teoria_de_los_dos_demonios-Cap_20-Pensar_la_dictadura.pdf (accessed 19.01.2020).
53. Robben A.C.G.M. From dirty war to genocide: Argentina's resistance to national reconciliation. *Memory Studies*, 2012, Vol. 5, N 3, pp. 305–315.
54. Lozada M. (2019). Crímenes de Lesa Humanidad y Genocidio. Cómo calificar la violencia estatal en la Argentina (1976–1983). Viedma: Editorial UNRN, 2019. Available at: <https://books.openedition.org/eunrn/3183> (accessed 28.12.2019).
55. Simón, Julio Héctor y otros s/ privación ilegítima de la libertad. Causa N° 17.768. Corte Suprema de Justicia de la Nación (Argentina). 14.06.2005. Available at: <https://www.refworld.org/pdfid/4721f74c2.pdf> (accessed 12.01.2020).
56. Argentina bill that penalizes conduct deniers and / or apologists for genocide and crimes against humanity – 2019. Available at: <https://observatoriolegislativocele.com/argentina-proyecto-de-ley-que-sanciona-conductas-negacionistas-y-o-apologistas-de-genocidio-y-crímenes-de-lesa-humanidad-2019> (accessed 12.01.2020).
57. Bachelet advierte sobre negacionismo de los crímenes de las dictaduras en Sudamérica. *Pulso*. 29 mayo 2019. Available at: <https://pulsoslp.com.mx/mundo/bachelet-advierde-sobre-negacionismo-de-los-crímenes-de-las-dictaduras-en-sudamerica/942046> (accessed 12.01.2020).
58. Día Nacional de la Memoria por la Verdad y la Justicia. Available at: <http://www.mendoza.edu.ar/24-de-marzo-qdia-nacional-de-la-memoria-por-la-verdad-y-la-justiciaq> (accessed 22.01.2020).
59. Naqvi Y. The right to the truth in international law: fact or fiction? *International Review of the Red Cross*, 2006, Vol. 88, N 862, pp. 245–273.

Galina A.Nelaeva (g.a.nelaeva@utmn.ru)

PhD (Political Science), Professor, Department of Modern History and World Politics, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen
Volodarskogo Str. 6, Tyumen Region, 625003 Tyumen, Russian Federation

The Right to Truth in Transitional Justice Contexts: Experience of Latin American States (the Case of Argentina)

Abstract. The right to truth is a relatively recent concept that emerged in international law in the 1980–1990s in the post-conflict or transitional settings. Countries of Latin America contributed significantly to the development and conceptualization of this right, since it was there that the right to truth was actively explored in a numerous political, judicial and non-governmental initiatives set up to combat the problem of enforced disappearances. This article starts with an overview of the right to truth in international and regional documents, then proceeds with an analysis of a number of relevant Inter-American Court of Human Rights cases, and finally, looks at Argentina as a country that underwent a long transitional process and set up various institutions to deal with the past crimes. Despite continuous disagreement as to the extent and scope of the right to truth concept, at least, in the field of enforced disappearances we can consider it binding due to extensive case-law, both international and domestic, as well as its inclusion in various regional and international documents.

Key words: right to truth, transitional justice, Argentina, enforced disappearance.

DOI: 10.31857/S0044748X0009122-3

Received 27.01.2020.